

классика супружеской жизни

Москва
2018

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Б17

Hervé Bazin
LE MATRIMOINE
Copyright © Editions du Seuil, 1957 et 1991

Перевод с французского *Ю. Жукова, Р. Измайловой*

Художественное оформление *П. Петрова*

Базен, Эрве.

Б17 Супружеская жизнь / Эрве Базен ; [пер. с фр. Ю. Жукова, Р. Измайловой]. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 384 с.

ISBN 978-5-04-091593-4

Женщины часто называют мужчин бесчувственными, несостоятельными, инфантильными и обвиняют в неудачах в семейной жизни. Вот и Мариэтт, жена главного героя, постоянно упрекает мужа. Неужели все так однозначно: женщины – сущие ангелы, а мужчины только портят им жизнь? Эрве Базен предлагает посмотреть на брак мужскими глазами.

Этот роман, уже ставший классикой, перевернул представления многих женщин о супружеских отношениях. Как знать, может, изменит и ваши?

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

© Жуков Ю. Измайлова Р., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

ISBN 978-5-04-091593-4

Монике

Я именую словом *Matrimoine* все то,
что в браке естественно зависит от женщины,
а также все то, что в наши дни
склонно обратить долю львицы
в львиную долю (*Она*).

1953

Забавно! Кажется, именно здесь, в конце спирали из подрезанной бирючины, увенчивающей холм в Ботаническом саду, именно здесь, на скамье из бетона, окрашенной под дерево, конечной остановке любителей нежных прогулок, сошла на меня благодать и пелена спала с глаз моих. Правда, Мариэтт не утверждает, что это было так, отнюдь. Она поразительно скромна и ограничивается лишь улыбкой и тем, что склоняет голову, отягощенную чудесными воспоминаниями, на мое плечо, подбитое ватой. Ее рука, подобно таитянскому ожерелью, обвила мою шею, а пальцы, на одном из которых обручальное кольцо подпирает перстень, подаренный мной в день помолвки, поглаживают мой пиджак; с этого пиджака она как раз сегодня утром выводила пятна при помощи препарата K_2 , сопровождая чистку рассуждениями о моей неряшливости. Так, значит, все произошло здесь? Осмелюсь ли я забыть? Впрочем, мужчины, как известно, не помнят ни о чем: ни о передвигающихся праздниках, ни о семейных годовщинах, постоянных торжествах домашней жизни, — самых важных датах

в густой чаще всевозможных дат, неизменно присутствующих в памяти женщин, самой природой обреченных быть рабынями календаря.

— Дорогой! — шепчет Мариэтт.

Как будто бы тихо шепчет. И вместе с тем достаточно отчетливо, чтоб услышала вся наша свита. Увы! Мы не одни. Кроме самой участницы того знаменательного события, мне сопутствуют ее мать, мадам Гимарш, ее сестры, девицы Арлетт и Симона Гимарш, золовка Габриэль Гимарш, урожденная Прюдон, которые при этом вовсе не присутствовали, но, обожая слухи и пересуды, воспользовались послеобеденной прогулкой, чтоб возбудить свое пищеварение и приобщиться, как они это делают в кино, к культу мелодрамы.

— Наверняка у вас был глупый вид. В таких случаях люди всегда выглядят глупо.

Это насмешливо изрекла мадам Гимарш. Такова уж традиция: сначала прийти в восторг, потом поиздеваться. Само собой разумеется, в этом темном уголке ее дочь не подвергалась никакому риску, тут не допускалось никаких вольностей, недозволительного порыва страстей, не так ли? Ведь за Мариэтт бдительно следили око нотариуса, мэр, викарий — ангелы-хранители семейного очага. Но давайте улыбнемся, посмеемся, пусть волна насмешек захлестнет эти несказанные сказки — они ведь тоже умиротворяют семьи. Хватит, оставим это! Я роюсь в своих карманах, звеню ключами, ищу трубку, табак, спички. Напрасные старания. Меня все еще держат за шиворот, на моем плече замирает вздох, это не сожаление, конечно, но в нем есть

примесь грусти: вчера все было чудом, а завтра станет повседневной рутинной. В этом вздохе слышится: «Ну вот!»

Все остальное легче передать молчанием — это тоже язык, пусть без лексики и синтаксиса. И он не меньше, чем громкие слова, может выразить истину. Ну вот, в тот день, в том месте это и произошло, я был один — и внезапно нас стало двое. Тропинка, на которую я тогда ступил, листья, даже если они видели, как на эту тропу ступали другие, скамейка, с которой я смахнул пыль, прежде чем сесть, могут свидетельствовать обо всем, как свидетельствую об этом я. Нельзя же повсюду устанавливать памятные таблички или вырезать на березовой коре имена, как мидинетки на Севере, или же царапать на листьях агавы, как мидинетки на Юге. Но именно здесь, в этой рамке, достойной того мгновения, решилась моя судьба.

Забавно! Прошло две недели после венца, торжественного ленча и всего, что за ними последовало, а я еще, по совести говоря, не могу ничего сказать. И все же я злюсь. Заячье рагу, изготовленное мадам Гимарш, было отличным и достойным внимания блюдом, хотя бутылка «корне» урожая 1920 года несколько перестоялась. Но еще немного такой патоки, и меня стошнит. Внесем некоторую точность: не было ни заветного места, ни памятного мгновения. Как удивились бы мамаша, сестры, золовки и даже она — моя жена, если бы какой-нибудь магнитофон, спрятанный три года назад под эту скамейку, изрыгнул все, что тут говорилось.

Разве я знал, что со мной будет именно она, а не какая-нибудь другая? Во время первого свидания (а у меня их было с полсотни) разве станешь над чем-то задумываться? А то, что потом, — всего лишь продолжение или же бегство. Волнующие прикосновения, поцелуи, сначала робкие, будящие кровь, потом настойчивые, взасос; не представляю, что уж тут красноречиво свидетельствует о вечной любви. Сожалею, милые дамы. Но ваше удивление сразу бы обернулось яростью, если б вы заглянули в мою записную книжку 1950 года. Мне приятно ее перечитывать, и недавно я перелистал ее вновь. Там есть маленькая запись от 18 апреля, за которой следует пометка, несомненно сделанная на следующий день. Наверху записано: *Повидать Густава в 13 часов по поводу мотоцикла. С Одиль в 18 часов на Эльзасской улице. В 22 часа tt с Мариэтт в Ботаническом саду.* Признаюсь откровенно, что буквами tt я в то время сокращенно обозначал tête-à-tête¹. Буквы же ee (тут уж не было никаких чудес), записанные в другом месте, обозначали corps à corps². Что касается цифр *четырнадцать* — *двенадцать*, то в этом нет ничего таинственного — это оценка; для Одиль с ее бойкой болтовней и неплохим опытом отметка повышалась до *пятнадцати* — *тринадцати*. Это означало, что у Мариэтт не было ни изюминки, ни жару, присущих Одиль. Похоже, что одной я тогда снисходительно отпустил двадцать шесть баллов, а другой в итоге насчитал двадцать восемь. Но будем до конца откровенны. В Анже, как, впро-

---

¹ Свидание наедине (фр.).

² Буквально — схватка рукопашную (фр.).

чем, и в других местах, за немногими исключениями, жен берут в своей среде, какова бы она ни была. Я решил жениться на Мариэтт потому (30% побудительной причины), что это было единственной возможностью добиться близости с ней, а с Одиль это было необязательным. Я женился на Мариэтт потому (тут уж процент трудно установить), что в ее пользу говорила наша детская дружба, незаметно перешедшая в нежность, содержащая множество приятных воспоминаний, поцелуев, невинных ласк, привычки бегать с ней на танцы, играть, ходить в плавательный бассейн или в кино — словом, встречаться и вместе проводить время. Я выбрал Мариэтт еще и потому, что она была из «хорошей семьи», может быть не столь аристократичной, как наша семья, но несколько более состоятельной (хотя бы в последние годы). Всего этого за Одиль не числилось. Что ни говорите, а рассудок играет решающую роль еще до заказа пышной свадебной корзины с цветами, которые не позволяют все же забыть о том, что завтра в этой корзине уже будут лежать овощи. Позор тому, кто дурно об этом подумает!¹ Мы живем в эру фанерованной мебели. Часто слышишь, как говорят: «Такие-то *удачно* выдали свою дочь», и скромное наречие «удачно» предполагает, что все выгоды были учтены. Теперь этим просто не хвастают — вот единственная перемена, — в наше время это недопустимо. У нас господствует сентиментальное притворство. Родителям даже рекомендуется добавить: «И знаете, они обожают друг друга!» Это уже похоже на фанеру из палисандрового дерева.

---

¹ Девиз английского ордена Подвязки.

— Между нами говоря, — добавляет мой дядя, — с тех пор как налог ополчился на личные капиталы, чтобы устоять, стало еще более необходимо заключать браки в своей среде. Кстати сказать, это никогда не мешало всему остальному...

«Остальное» у нас достаточно прочно. Я люблю Мариэтт, это бесспорно. Люблю девушку своего круга. Я женился не по расчету. Ведь я мог бы взять себе в жены действительно богатую наследницу. Маргерит Тангур (Западный банк) охотно встречалась со мной. Меня неоднократно приглашали еще и к Димассам (шиферные карьеры), дочка которых совсем не урод. Но это было бы чересчур. Представляю себе, какую гримасу сделали бы мои родственники в подобном случае. Мариэтт не имела богатого приданого, только небольшую ренту, которая выплачивалась ежемесячно двадцатого числа, чтоб мы могли сводить концы с концами. Но зато она принесла с собой некоторые надежды и связи (тесть считал их полезными) и необходимую в провинции общую благосклонность к молодым супругам со стороны многих людей и будущих клиентов: ведь для почтенных обывателей достойная женитьба является первым доказательством благонамеренности лица свободной профессии. Таков укоренившийся предрассудок этой среды.

Вот в чем правда. Да, Мариэтт уже моя жена. Я сделал удачный выбор. К чему окружать какими-то картонными декорациями весьма прочную реальность? Разве Гимарши не знают, что в *наших* семьях считается куда похвальнее жениться в атмосфере всеобщего уважения,

чем испытать удар любовной молнии в 110 вольт, столь любезный сердцу кинодельцов. Правда, я действовал медленно. Брак есть брак, не говоря уж о том, во что он может превратиться, и многие мужчины не в состоянии решиться сразу. Я хотел дождаться окончания моего стажерства в суде. Хотел сначала заручиться клиентурой. Я не выжидал согласия своих родных, они были ни за, ни против, я не выжидал и ответа Мариэтт, но ее я заставил дожидаться моего решения.

Три года назад я мечтал жениться на Одиль, пленившей меня прелестной грудью, пылкостью в любви и беззаботной смелостью. Но она была девушка трезвого ума, без особых претензий и все повторяла нежным голосом:

— Ну зачем тебе какая-то машинистка?

Впрочем, и дядя мой был на страже. И мать. И тетка. И я сам, рассудительный, благоразумный молодой человек, весьма считался с требованиями «устроиться основательно», хотя теперь это называется как-то иначе. Одиль вышла замуж за водопроводчика. Она меня, конечно, давно уже забыла к тому времени, когда я, в двадцать шесть лет, растроганный терпением Мариэтт, отнюдь мною не заслуженным, заказал у ювелира для нее кольцо, в котором бриллиант (в 0,75 карата) все еще горит отсветами нашего пламени. Мариэтт это знает. Но нотариуса, мэра, викария ей было недостаточно. Ей надо было, чтобы я с ней переспал, совершил, так сказать, четвертое таинство, которое на языке «почти Амура» подтверждает все предыдущие акты.

Пока я размышлял (молчание мое принимали за признак волнения), позади нас говорили.

— Ну уж если б я знала, — сказала мадам Гимарш, — если бы я только знала в тот вечер, что ты бегаешь сюда, тебе бы пришлось иметь дело со мной, детка! Но не в обиду вам будь сказано, Абель, в те времена у вас была солидная репутация.

Солидная — это не так уж огорчительно. Бронзовый петушок на соседней колокольне четко вырисовывается в сумерках. Теща опять кудахчет:

— Это ты, Туссен?

— Я, мамочка! — отвечает ей низкий голос.

Тесть грузно, как носорог, продвигается к нам, останавливается, чтоб отдышаться, и говорит, стоя за кустарником:

— Ох уж этот твой заяц! Сначала самым глупым образом дал себя убить, а став покойником, начал сопротивляться!

Вот и тесть. Он идет по выющейся тропинке. Поглаживает рукой живот, в котором бунтует заячье жаркое. Он появляется первым, а за ним среди мелкой поросли вспыхивают на двух уровнях — один выше, другой ниже — огоньки сигарет отставших ходоков: это мой долговязый шурин Эрик и низкорослый дядя Шарль, которого все зовут Тио.

— Чем это вы тут занимаетесь? — продолжает мосье Гимарш.

— Осматриваем ту самую скамейку, — отвечает мадам Гимарш, окидывая нас материнским взглядом.

Мосье Гимарш не понимает, о чем идет речь. Мадам Гимарш пытается объяснить, но, чтоб рассказать все

толково, как ей хочется, ей требуется столько же времени, сколько нужно, чтобы написать целый том. Ее интересует прошлое, но о зайце она тоже не забывает, ибо это ставит под сомнение ее кулинарные таланты. Теща старается изложить самое главное, но кончает тем, что говорит обо всем сразу:

— Возвращусь к тому, что я сказала: больше всего меня удивляет, как вы оба спелись. Признайтесь, сумели улестить Мариэтт, а? Ну и роман! А тебя, мой толстяк, я предупреждала — не забывай о своей печени, не увлекайся соусом.

— Думаешь, дело в соусе? А что же это за скамейка? — бормочет мосье Гимарш, память которого в состоянии удержать лишь застольные радости.

Мадам Гимарш разводит руками, и в этот момент слышится чей-то тихий смехок:

— Извините меня, но я посижу на вашей скамейке.

Это наконец дядя Тио пришел мне на помощь. Уши моего крестного — единственная часть его тела, свободно парящая в пространстве, — никогда еще до такой степени не походили на две ручки корзины. Позволив себе состричь, он с интересом оглядел весь клан. Тесть стоит в центре, как и подобает патриархам. Эрик позади Габриэль, она выдвинула вперед подбородок, чтоб лучше слышать. Мариэтт, оставившая в покое мою шею, обняла свою мать. Арлетт находится на правом фланге, я — на левом, рядом с Симоной, озорной девчонкой, коварно засунувшей мне под манжету колючий репей. Тут все Гимарши, кроме еще одной дочери, Рен, и ее мужа Жоржа д'Эйян, которым было нелегко выбраться, так как они